

Ирина Муравьева

Медвежий букварь

*Часть сборника
Вечер в вишнёвом саду (сборник)*

Ирина Муравьева
Медвежий букварь

«ЭКСМО»

2012

Муравьева И. Л.

Медвежий букварь / И. Л. Муравьева — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-457-23764-3

«У меня шерсть – большая, красная, не прочесать. Когда Федору меня отдали, он сразу сказал: «Ну, я из него человека сделаю!» А мне и трех месяцев не исполнилось, что я понимал? Ревел все время...»

ISBN 978-5-457-23764-3

© Муравьева И. Л., 2012

© Эксмо, 2012

Ирина Муравьева

Медвежий букварь

У меня шерсть – большая, красная, не прочесать. Когда Федору меня отдали, он сразу сказал: «Ну, я из него человека сделаю!» А мне и трех месяцев не исполнилось, что я понимал? Ревел все время.

Федор мне секунды отдыха не давал: то велосипед, то кегли, то самокат. Скорее, скорее, чтоб только был номер! Я потом понял, почему он так торопился: мать **умерла**, сестры, Настя и Даша, – семиклассницы, в доме ни копейки. Откуда у него деньги? Студент циркового училища.

Мы с Федором целыми днями работали. А как ночь, так это. Сначала весело и искры. И я вместе с искрами падаю. Лежу, сверху льется горячее что-то. Наверное, снег. Это снег. Он и льется.

Федор сказал: «Главное, память отшибить. Чтоб зверь позабыл, кто он есть».

Понимаю. Надо ее отшибить, потому что она мешала ему работать. И пахла каждую ночь, как та елка, которая у нас на Новый год посреди арены горела весь месяц зеленым и желтым. Потом елка высохла, запах свернулся, ее унесли, а мою отшибают. Запрут меня в клетке и свет сразу гасят.

В лесу молоко и всегда очень жарко. **В лесу** шла зима, мы в нем с матерью жили. Потом мать **убили в лесу**. Я остался.

Что это: **убили** – пока что не знаю. Но мать так кричала. И это я помню.

Сначала мне сунули морду в огонь. Потом сразу в черное и завязали. Потом пришла **баба** и стала реветь:

– Космат, ну, косматый! Давай в дом возьмем!

Тогда и мужик разбрехался:

– Ну, ты! Его продадим, знаешь, сколько отвалят!

Я лежал на мокром, на лапы его не смотрел. Они сильно пахли. Тогда я не знал: это кровь. Теперь уже знаю.

Никого я так не боялся, как черного мужика. Даже пьяного Федора так не боялся.

От Федора пахло железом. И бил он не сильно, коротенькой плеткой.

Федор – белый, костлявый, вся шерсть на нем желтая. Есть очень хочет.

У Федора мать **умерла**, а мою мать – **убили**.

Мы уже второй месяц работаем на льду. По деньгам это хорошо. Деньги – бумага, называются «бабки». Лед придумал Аркадий, он **умница**. Я знаю: он **умница**, Федор сказал мне.

Он приехал к Федору, когда бабки кончилась, и Федор кормил нас овсянкой. У него договор с дирекцией: живу я при цирке, но в цирке не кормят, у них на своих не хватает. Кормил меня он. Потом, когда кончились бабки, мы ели овсянку. Меня **пронесло**. От овсянки, конечно.

Когда **пронесло**, к нам приехал Аркадий.

Аркадий сказал:

– Бери-ка Мишаню на лед и работай!

А Федор ревет:

– А зачем нам на лед-то?

– А ты человек будешь, Федя, с медведем. Народная сказка. Ну, понял? Доперло?

После этого Федор мне запретил на четырех лапах жить. Как я опущусь на четыре – он плеткой. И я поначалу ревел. Спина – у-у-у! – горела. Как будто в ней сук. Но с утра было лучше. С утра я стою на своих, каждый день.

Утром Федор клетку откроет, смотрит на меня. Во мне молока полно брюхо и жар. Вокруг меня **лес**.

Утром я очень люблю Федора. Он клетку откроет и морду мне гладит.

Утро в нашем цирке розовое, и сразу ложится вокруг, как вода. Лежит и лежит, а потом уже вечер. Я цирковой артист, мы и утром, и вечером работаем.

Меня Федор кормит, он любит меня. А после – сук в спину. Работаем, значит.

Площадку давали, но редко. Скоты.

Мой Федор ходил к ним, к скотам. Ревел там. Потом говорит: «Да срать нам на них, а, Мишаня?»

Аркадий автобус нам дал. В нём – Ван Ваныч. И стали на лед, на искусственный, ездить. Ван Ваныч похож на осла. С ослом нашим бурый работает Неля, боится, что сдохнет. Осел у нас старый. Неля ему делает уколы перед каждым выходом, и он начинает плясать на арене. А чуть за кулисы, и всё, поддыхает. Но Неле так надо. Ей бабки нужны.

Ван Ваныч въезжает во двор, это утро. Выходим мы с Федором, сразу в автобус. Домой только вечером.

Работа – не сахар, так Федор сказал мне. А я стал артистом, как маму **убили**.

На льду нам попалась Оксана. Приходим, садимся на лавку, и вдруг – у-у, какая! Вся белая-белая. Морда – как лед. Глаза голубые. Внутри шерсти – блески. Надела железки и стала крутиться.

А Федор стоит и стоит, как наш бурый. Забыл про работу.

Потом он достал из кармана намордник и морду мою всю засунул туда. Мне стало обидно, а он – меня плеткой. И мы покатили.

Она всё крутилась, пока не упала.

Тут Федор ревет:

– Извиняюсь! Вот мы!

Она даже глаз не открыла, лежит.

– Ударилась? – Федор ревет и дрожит весь.

Она ему в морду оскалилась белым и лапами машет. Ей, значит, смешно.

И Федор сказал:

– Познакомиться надо.

Она нам ревет:

– Я Оксана.

Я сразу почуял, что всё в ней – как мед. Она очень сладкая, сладкая **баба**. И вся в молоке. Пахнет тоже как мед. Густым, сильным-сильным, немного как рыба. И Федор почуял.

Он поднял Оксану со льда и ревет:

– Давай! Догоняй нас!

И сразу к трибуне. И сам весь дрожит.

Там Федор сказал. Он сказал:

– Оксана! Ты очень красивая! Очень!

Она ему что-то тихонечко:

– У-у!

А что, я не понял. Но Федор мой весь заблестел.

Он ей говорит:

– Ну, о'кей. У нас транспорт.

Поехали мы на Ван Ваныче. Едем. Оксана ему говорит:

– Здесь. Вот здесь вот.

И Федор сказал, чтоб забрал он нас в восемь.

Они выпрыгнули из Ван Ваныча, и Федор меня поволок вместе с ними. Намордника даже не снял, это плохо.

Оксана открыла ключом одну дверь, потом еще дверь. Потом было зеркало, я всех нас видел. Потом они сняли с себя свои тряпки.

Я **мог** повернуться – они были слева, – но, если я увижу его голым, Федор меня **убьет**. У них это стыдно, когда нету тряпок, а только одна шерсть да кожа. Они терлись кожей о кожу без тряпок. Оксана была очень маленькой, сладкой. И вся в молоке. Потом они в зеркале и покатались. Сначала упали, потом покатались.

Она, значит, тоже артистка. Как я.

Они все катались, и мне было скучно. И тут Федор вдруг закричал. Он так закричал, что я понял: он **умер**. Я знаю, что **умер** когда – так кричат.

Они пахли рыбой и тихо лежали. Но Федор мой стал – не моим. Он стал теперь больше Оксаной, чем Федором. Лежал в ней, как рыба на рыбе, и спал.

Потом зазвонил телефон.

Оксана открыла глаза под мордой моего Федора, потому что его морда лежала на ее морде. Потом она стала отрываться от него, чтобы достать телефонную трубку. Трубку она не **могла** удержать, уронила ее на пол, и там заревели: «Оксана!»

Оксана прижалась щекой и ревет:

– Сейчас не могу!

Тут мой Федор проснулся.

Он обхватил Оксану лапами и засмеялся. Тогда она вырвалась вся:

– Есть хочу! Куда нам Мишаню девать? С ним не пустят.

И Федор тогда говорит:

– Извини нас.

Оксана достала еду.

Тут у меня сразу заболело брюхо и лапы затряслись.

Если мне не показывать еду, я **могу** терпеть, а если ее показать, не **могу**.

Она достала красную бутылку, потом еще белую, потом еще черную и мне говорит:

– Что смотришь, Мишаня? Голодный, наверное.

Федор снял с меня намордник, я потянулся к бутылкам и ко всей этой еде, которая была на столе. Оксана достала лохань и всего навалила. И я это ел. Потом стали вместе все пить из бутылок. Оксана налила из белой и поднесла стакан прямо к моей морде. Влила в меня всё, что плескалось в стакане, и я проглотил. У-у-у!

Потом я еще кувыркался немного, потом зазвонил телефон.

И Оксана ревет:

– Приехали! Баста!

И сразу ушла, только дверь не закрыла.

И Федор притих, стал как был – моим Федором.

Она вернулась, разворошила шерсть на его голове и говорит:

– Пора. Не хочу, чтобы он тебя видел.

Тут Федор меня отшвырнул, я свалился.

Она говорит:

– Сядь и слушай.

Он сел. Она стала реветь. И Федор мой весь **пересох**. Так бывает, когда забывают налить тебе воду, и ты ни о чем больше думать не **можешь**.

– Так он тебя продал? – ревет ей мой Федор. – Скажи мне: он продал?

– Не продал, – ревет, – я сама так хотела! Он дом обещал мне! Огромный! В Торонто! И стала просить, чтобы мы уходили. Нельзя, чтобы нас с ней увидели вместе.

А Федор сказал:

– Нет, я так не умею.

На **улице** пахло несвежей селедкой, когда мы спустились и вышли из дому.

Ван Ваныч подъехал, а дальше ничего не помню.

Утром Федора не было, розового не было, я есть хотел, пить. Утро – это работа. У нас по утрам всегда ругань и топот. И **наши** все бегают и матерятся.

Мы пропустили первую репетицию, но днем Федор открыл клетку, лизнул меня в морду и дал много рыбы. Его морда стала больной и костлявой. А может, его **пронесло**, так бывает.

И он мне сказал:

– Всё, Мишаня, забыли. Она, вишь ты, замуж выходит. Что делать?

Потом заскрипел и завыл. Потом лег, как будто бы он, как и я, – зверь из **лесу**. Я вылизал морду ему. Всё солёно!

– Мишаня, – ревет, – я ведь плакал – когда? А вот когда мать **померла**.

Он сжался, и я его грел своим брюхом.

Тут мы увидели Аркадия. Он шел, словно лапы ему отдавили.

– Спокуха, – Аркадий ревет. – Слышишь, Федя?

– Зачем подвалил? – заревел ему Федор.

– Оставь эту телку, кому я сказал? Оставь. За неё заплатили, ты понял?

– Иди, миротворец! И так разберемся!

Аркадий ревет:

– Извини, не расслышал! Ты что, без меня прокормиться решил или как там?

– Не бойся, не сдохну! – ревет ему Федор.

– Ты, может, не сдохнешь, – смеется Аркадий, – а вот малолеток куда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.